

Гю и Поппингса о себе
и о своей жизни

«Восточное обозрение», Иркутск, 1890, 26 августа, № 34.

с. 4

Хроника сибирской жизни

Странствующий по Сибири корреспондент «Нов. Вр.» г. [имя] печатает теперь, как уже известно нашим читателям, в упомянутой газете свои путевые впечатления. Вот интересные несколько из них строчки: «Тяжело вхаты, очень тяжело, но становится еще тяжелее, как подумаешь, что эта безобразная, рьяная полоса земли, эта черная оспа—есть почти единственная жила, соединяющая Европу с Сибирью! И по такой жиле в Сибирь, говорят, течет цивилизация! Да, говорят, говорят много, и если-бы нас подслушали немцы, почтальоны, или эти вот мокрые, грязные мужики, которые по кобна вязнут в грязи около своего обоза, везущаго в Европу чай, то каково-бы мнѣни они были объ Европѣ, объ ея искренности!

Кстати, посмотрите на обозъ. Возовъ сорокъ съ чайными цистернами тянется по самой насыпи... Колеса на половину спрятаны въ глубокіхъ колеяхъ, тощя лошаденки вытягиваютъ шею... около возовъ идутъ возчики; вытаскивая ноги изъ грязи и полагая лошадямъ, онѣ давно уже выбились изъ силъ... Вотъ часть обоза остановилась. Что такое? У одного изъ возовъ сломалось колесо... Нѣтъ, ужъ лучше не смотреть!

До Томска мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ засѣдателемъ и проѣхать вмѣстѣ съ нимъ двѣ-три станціи. Помнится, когда мы сидѣли въ избѣ у какого-то еврея и ѣли уху изъ окушай, вошелъ сотскій и доложилъ засѣдателю, что въ такомъ-то мѣстѣ дорога совсѣмъ испортилась и что дорожный подрядчикъ не хочетъ починять ее...

Гю и Поппингс
с. 102-103

ИЗЪ ГРЯЗНАГО ГОРОДА.

Письма изъ Сибири г. А. Чехова, о которыхъ уже однажды упоминало «Вост. Обозр.», продолжаютъ вновь появляться на страницахъ «Новаго Времени». Письмо седьмое относится къ городу Томску и посвящено, главнымъ образомъ, жизни уголовныхъ ссыльныхъ

1890 г.

№ 34

этого города. Г. Чеховъ высказываетъ убѣжденіе, что черезъ 50—100 лѣтъ будутъ смотрѣть на пожизненность современной ссылки, на вѣчное лишеніе правъ и другія карательныя наказанія того же рода, непрекращающіяся до конца жизни, съ тѣмъ же недоумѣніемъ и чувствомъ неловкости, съ какими мы теперь смотримъ на рваніе поздравленій или лишеніе пальца на лѣвой рукѣ. По словамъ г. Чехова, по прибытіи на мѣсто ссылки интеллигентные люди имѣютъ растерянный, ошеломленный видъ; они робки и словно забыты. Большинство изъ нихъ бѣдно, малосильно, дурно образовано и не имѣетъ за собой ничего, кромѣ почерка, часто никуда негоднаго.

Живется этимъ ссыльнымъ скучно. Во-первыхъ, потому, что сибирская природа въ сравненіи съ русской кажется имъ однообразной, бѣдной, беззвучной. Во-вторыхъ потому, что квартиры въ городахъ скверныя, улицы грязныя, въ лавкахъ все дорого, не свѣжо и скудно и многого, къ чему привыкъ европеецъ, не найдешь ни за какія деньги. Въ-третьихъ, *мѣстная* (?) интеллигенція пьетъ водку безъ мѣры, пьетъ неизящно, глупо и грубо, и спаиваетъ ссыльныхъ. Въ-четвертыхъ сибирская женщина не нравится ни ссыльнымъ, ни г. Чехову. Въ-пятыхъ, для ссыльныхъ въ Сибири нѣтъ никакихъ развлеченій, кромѣ плохихъ трактировъ, семейныхъ бань и многочисленныхъ домовъ терпимости. Въ-шестыхъ, наконецъ, ссыльнымъ нѣтъ развлечъ свою душу, кромѣ завалищей книжки въ родѣ «Болѣзни воли» Рибо, или свѣтлыхъ брюкъ, надѣваемыхъ въ первый солнечный праздничный день. «Рибо скучновато, прибавляетъ г. Чеховъ, да и кстати ли читать о болѣзняхъ воли, когда самой воли нѣтъ? Въ свѣтлыхъ брюкахъ холодно, но все-таки разнообразіе!»

Это письмо г. Чехова изъ Томска отдаетъ запахомъ грязнаго города. Кого принялъ г. Чеховъ за мѣстную интеллигенцію, вѣчно пьющую водку? Правда, «Сибирскій Вѣстникъ» имѣлъ смѣлость перепечатать это письмо на своихъ страницахъ. Правда, нѣкій Винъ *) изъ этой газеты причислилъ себя къ мѣстной интеллигенціи и остался доволенъ сходствомъ портрета съ оригиналомъ. Но мы думаемъ, что можно только пожалѣть о г. Чеховѣ, не видавшемъ въ Томскѣ другой интеллигенціи, кромѣ пьяныхъ скандалистовъ и завсегдатаевъ отдѣльныхъ трактирныхъ кабинетовъ. Понятно, какую аттестацію подобныя господа могли дать сибирской женщинѣ.

Женщина здѣсь, пишетъ г. Чеховъ, такъ же скучна, какъ сибирская природа; она не колоритна, холодна, не умѣетъ одѣваться, не поетъ, не смѣется, не миловидна и, какъ выразился одинъ старожилъ въ разговорѣ съ нимъ: «жестка на ошупь». Когда въ Сибири современемъ народятся свои собственные романисты и поэты, то въ ихъ романахъ и поэмахъ женщина не будетъ героинею; она не будетъ вдохновлять, возбуждать къ высокой дѣятельности, спасать, идти «на край свѣта».

Газета г. Карамышева не только вполне соглашается съ такой характеристикой сибирской женщины, но даже подыскала причину отсутствія въ ней «колорита». Всею виною оказывается «*сырое*» небо Сибири.

Извѣстна поговорка о свиньѣ, никогда не видающей неба. Дѣйствительно нужно быть настоящей свиньей, чтобы прожить нѣсколько лѣтъ въ Сибири, писать о вѣчно «сыромъ» небѣ. Для жителя Сургута или Нарыма подобное увѣреніе еще имѣло бы какой-нибудь смыслъ. Но въ средней и южной полосѣ Сибири представленіе о «сыромъ» небѣ могло появиться только у челоука, никогда не видавшего ничего, кромѣ ньянаго угара кабаковъ и трактировъ.